

УДК 821.161

*Н.А. Макаричева***ГЕНДЕРОЛОГИЧЕСКАЯ МНГОВАЛЕНТНОСТЬ ОБРАЗА ФЕДОРА ПАВЛОВИЧА КАРАМАЗОВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

В статье исследуется художественная гендерология Ф.М. Достоевского – воплощение представлений писателя о специфике женско-мужских отношений в художественном творчестве. В центре внимания один из наиболее ярких и сложных образов из последнего романа Ф.М. Достоевского – Федора Павловича Карамазова. Акцент делается на гендерологической многовалентности героя, поскольку взаимоотношения с женщинами (двумя противоположными по характеру женами и юродивой Лизаветой Смердящей) помогают раскрыть многогранность личности Федора Павловича. Анализ образов отца Федора Павловича Карамазова и сына – Павла Федоровича Смердякова помогают обнаружить новые смысловые нюансы, связанные с понятием «карамазовщина» и «смердяковщина». «Гендерологическая многовалентность» Карамазова-старшего, перерастающая в циничное сладострастие, ведет к череде смертей – Лизаветы Юродивой, его самого и Павла Смердякова. Смердяков, являясь наследником не только сладострастного отца, но и Лизаветы Смердящей, связанной с образом Матери-Сырой Земли, в конце романа пытается вернуться к Богу. Но обрести веру ему не дано, и он совершает самоубийство.

Ключевые слова: гендерологическая многовалентность, братство, карамазовщина, смердяковщина, типология женских образов, идеи эмансипации.

Логика нашего исследования изначально задана самим Ф.М. Достоевским, назвавшим роман «*Братья Карамазовы*». Необходимо иметь в виду расширительное значение обоих конфликтно заложенных в это название понятий – как *братства*, так и *карамазовщины*. Условно говоря, возможно было бы и другое название – «*Братья и сестры Карамазовы*». Как в мужских, так и в женских персонажах романа проявляется карамазовское начало, и то и дело оно доминирует над братским или сестринским. Сам Достоевский знал лишь одну, церковную и наполненную равноправным смыслом, форму обращения – «братья и сестры». С развитием феминизма в XX столетии эти понятия были разведены по смысловым нюансам. В частности, в гендерном тезаурусе о «сестринстве» закреплено: «Хотя этот термин воспринимается как аналогичный братству, он не является его зеркальным отражением. Традиционно в патриархальном <...> обществе предполагалось, что женщины воспитаны в духе недоверия, соперничества и предательства по отношению друг к другу в борьбе за мужчин. Таким образом, сестринство – женская дружба и солидарность – становятся формой протеста. <...> В российском женском движении появилось высказывание "Все люди сестры", оппонирующее традиционному "Все люди братья"»[11].

Как бы то ни было, но в романе Достоевского есть «братья Карамазовы», но нет соответствующих «сестёр» – ни в прямом, ни в переносном смысле. Центральные женские персонажи здесь (Екатерина Верховцева и Аграфена Светлова) лишены сестринских инстинктов и зачастую ведут себя именно «в духе недоверия, соперничества и предательства по отношению друг к другу в борьбе за мужчин».

Однако в романе есть биологические братья, и это обязывает нас начинать рассмотрение материала с образа их отца – Федора Павловича Карамазова. Образ этого «бестолковейшего сумасброда» демонстрирует крайнюю степень выраженности того, что можно обозначить как *гендерологическая многовалентность*. Подобно Степану Верховенскому в «Бесах», Федор Карамазов в прошлом был дважды женат и, по прямым собственным признаниям, готов был соединиться новыми «узами» с Грушенькой Светловой: «А на Грушке сейчас женюсь, только захочу. Потому что с деньгами стоит только захотеть-с, <...> всё и будет» [8. Т. 14. С. 158]. Верховенский–старший в «Бесах» также был готов соединиться брачными узами почти с кем угодно. Таким образом, оба эти персонажа представлены автором в исключительной зависимости от женского влияния.

Вместе с тем, наглядна и решающая разница между ними. Если у Степана Трофимовича эта зависимость носила пассивный характер (он подчинялся женскому влиянию сам как бы *по-женски*), то Федор Павлович, напротив, демонстрирует активное мужское начало. Повествователь характеризует его как «сладострастнейшего человека во всю свою жизнь, в один миг готового прильнуть к какой угодно юбке, только бы та его поманила» [8. Т. 14, С. 8]. Степана Верховенского сладострастником

назвать нельзя. Тем не менее, он в «безрассудной своей молодости» под женским влиянием совершал поступки, которые имели для него роковые последствия. Так, в первом браке был рожден сын Петруша, который станет косвенным виновником гибели отца. В итоговом романе эта логика автором расширяется и усугубляется. У Федора Павловича в первом браке родится сын Дмитрий. Он грозился и даже был готов убить отца, и в результате оказался ошибочно осужден. Во втором браке был рожден Иван, фактически теоретик убийства Федора Павловича. И наконец, сладострастие Федора Карамазова приводит к рождению еще одного, незаконного сына, Павла Смердякова, который и стал непосредственным убийцей.

Законные сыновья не только носят его фамилию и являются *Федоровичами*, но и оказываются носителями «карамазовщины», хотя в разной степени. Например, о Смердякове сказано: «Окрестили и назвали Павлом, а по отчеству все его и сами, без указу, стали звать Федоровичем. Федор Павлович не противоречил ничему и даже нашел всё это забавным» [8. Т. 14. С. 93]. Тем самым, обозначается зеркальное отражение имен-отчеств: Федор Павлович – Павел Федорович, и это не было у автора случайным. Смердяков оказывается в романе психологическим антиподом своему «родителю» по отношению к женскому полу. Если его отец был «готов прильнуть к какой угодно юбке», то Смердяков демонстрирует обратные инстинкты: «...женский пол он, кажется, так же презирал, как и мужской, держал себя с ним степенно, почти недоступно». Складывается впечатление, что образ Смердякова в гендерологическом отношении у Достоевского абсолютно *выхолощен*. Это и дает нам основание видеть в Павле Федоровиче Смердякове гендерологического антипода Федора Павловича Карамазова.

Но вернемся к законным семействам Карамазова-старшего. Обе его жены, матери законных сыновей, примечательны – как сами по себе, так и в сопоставлении.

Отношения Федора Карамазова к первой супруге, Аделаиде Миусовой, можно считать вполне отвечающими его многосторонней природе. Этот герой остроумен до цинизма и склонен к шутливости, расчетлив до хищничества, имеет вьедливый ум, хорошо чувствует слабые стороны окружающих и умеет играть на них. Например, по поводу сына Дмитрия, он «вывел лишь, что молодой человек легкомыслен, буен, со страстями, нетерпелив, кутила и которому только чтобы что-нибудь временно перехватить, и он хоть на малое время, разумеется, но тотчас успокоится» [8. т.14. С. 12]. В то же время этот герой временами показан склонным к сентиментальности. Так, младшего сына, Алексея, он вначале встретил с недоверием, но затем «стал его ужасно часто обнимать и целовать, <...> правда с пьяными слезами, в хмельной чувствительности, но видно, что полюбил его искренно и глубоко и так, как никогда, конечно, не удавалось такому, как он, никого любить...» [8. Т. 14. С. 18-19]. В определенный момент повествователь резюмирует характеристику Федора Павловича: «Он был сентиментален. Он был *зол и сентиментален*» [8. Т. 14. С. 24]. Кроме того, герой этот бывает труслив и мнителен. Добавим в этот характер крайнее сладострастие – и психологический портрет окажется, пожалуй, почти полным в его многосторонности.

Если не все, то многие из перечисленных качеств Федора Павловича сказались в его взаимоотношениях с Аделаидой Ивановной Миусовой. По поводу его остроумия и шутливости «услужливая фантазия убедила ее, положим, на один только миг, что Федор Павлович, несмотря на свой чин приживальщика, все-таки один из смелейших и насмешливейших людей той, переходной ко всему лучшему, эпохи, тогда как он был только злой шут, и больше ничего» [8. Т. 14. С. 8].

Расчетливость Федора Карамазова легла в основу его матримониальных целей и, как ни странно, была отчасти рассогласована со сладострастием: он «страстно желал устроить свою карьеру хотя чем бы то ни было; примазаться же к хорошей родне и взять приданое было очень заманчиво. Что же до обоюдной любви, то ее вовсе, кажется, не было – ни со стороны невесты, ни с его стороны, несмотря даже на красоту Аделаиды Ивановны. Так что случай этот был, может быть, единственным в своем роде в жизни Федора Павловича, сладострастнейшего человека во всю свою жизнь <...>. А между тем одна только эта женщина не произвела в нем со страстной стороны никакого особенного впечатления» (там же). Меркантилизм сказывался и после свадьбы, когда он «подтибрил у нее тогда же, разом, все ее денежки, до двадцати пяти тысяч, только что она их получила <...>. Деревеньку же и довольно хороший городской дом, которые тоже пошли ей в приданое, он долгое время и изо всех сил старался перевести на свое имя <...>. Но, к счастью, вступилось семейство Аделаиды Ивановны и ограничило хапугу» [8. Т. 14. С. 9].

Игра на чужих слабостях сказались и в расчете на отвлеченность воззрений девушки: «...поступок Аделаиды Ивановны Миусовой был без сомнения отголоском чужих веяний и тоже

пленной мысли раздражением <...>. Пикантное состояло еще и в том, что дело обошлось увозом, а это очень прельстило Аделаиду Ивановну» [8. Т. 14. С. 9]. Этот мотив (соблазнение на романтический «увоз») знаком по предыдущим произведениям Достоевского («Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы»). Развитие этого мотива в «Братьях Карамазовых» произведено автором по принципу зеркального «удвоения». Как Федор Карамазов «увёз» Аделаиду и женился на ней, так и она впоследствии «бросила дом и сбежала от Федора Павловича с одним погибавшим от нищеты семинаристом-учителем, оставив Федору Павловичу на руках трехлетнего Митю» [8. Т. 14. С. 9]. Последнее также является развитием уже знакомого нам мотива: не семинарист, но погибающий от болезни домашний учитель Покровский в «Бедных людях»; несчастный больной учитель Вася в «Дядюшкином сне». Только вот Аделаида Ивановна пошла гораздо дальше своих предшественниц (Вари и Лизы) – она решается бежать с возлюбленным и даже бросает ребенка, рожденного в постыдном браке.

Во многом это объясняется ее подверженностью идеям женской эмансипации: «...поступок Аделаиды Ивановны Миусовой был без сомнения отголоском чужих веяний и тоже пленной мысли раздражением. Ей, может быть, захотелось заявить женскую самостоятельность, пойти против общественных условий, против деспотизма своего родства и семейства» [8. Т. 14. С. 8]. Подобные инстинкты, как нам известно, были хорошо знакомы самому Достоевскому на примере его возлюбленной Аполлинии Суловой, и инстинкты эти писатель считал чреватými драматизмом. В случае с героиней «Братьев Карамазовых» они ведут и к трагическому финалу: «Бедняжка оказалась в Петербурге, куда перебралась с своим семинаристом и где беззаветно пустилась в самую полную эмансипацию. <...> И вот в это-то время семейством его супруги получилось известие о смерти ее в Петербурге. Она как-то вдруг умерла, где-то на чердаке, по одним сказаниям – от тифа, а по другим – будто бы с голоду» [8. Т. 14. С. 9].

В отношении Карамазова-старшего к первой супруге есть еще один примечательный психологический штрих. Эта женщина типологически явно сродни другой героине, Катерине Ивановне Верховцевой. О таких Федор Павлович выскажет своё мнение Алеше: «Вот таких-то (имеется в виду Митя Карамазов. – *Н.М.*) эти нежные барышни и любят, кутил да подлецов! Дряннь, я тебе скажу, эти барышни бледные» [8. Т. 14. С. 159]. Однако с другой стороны, уже после смерти обеих своих супругов, Федор Карамазов «вдруг взял тысячу рублей и свез ее в наш монастырь на помин души своей супруги, <...> Аделаиды Ивановны, которая колотила его. <...> Странные порывы внезапных чувств и внезапных мыслей бывают у этаких субъектов» [8. Т. 14. С. 22].

«Странность» такого порыва может напоминать не менее странную молитву Лебедева за графиню Дюбарри в «Бесах»: «Да потому, может, и помянул (в молитве. – *Н.М.*), что за нее, с тех пор как земля стоит, наверно никто никогда и лба не перекрестил, да и не подумал о том. Ан ей и приятно станет на том свете почувствовать, что нашелся такой же грешник, как и она, который и за нее хоть один раз на земле помолился» [8. Т. 14. С. 1649]. Эмансипированная Аделаида Ивановна, конечно, далеко не графиня Дюбарри. Но за нее ведь также «навверно никто никогда и лба не перекрестил, да и не подумал о том». Даже ее сын Дмитрий не выказывает такого порыва. А его отец, не уважавший супругу по жизни и обобравший ее, способен внести изрядную сумму на помин ее души. Впрочем, и задолго до того, узнав о смерти Аделаиды, он повел себя неоднозначно: «...говорят, побежал по улице и начал кричать, в радости воздевая руки к небу: «Ныне отпускаеши», а по другим – плакал навзрыд как маленький ребенок, и до того, что, говорят, жалко даже было смотреть на него, несмотря на все к нему отвращение. Очень может быть, что было и то, и другое, то есть что и радовался он своему освобождению, и плакал по освободительнице – все вместе» [8. Т. 14. С. 9-10].

Поэтому вполне объяснимо, что Федор Карамазов мог увлечь такую пылкую девицу, как Аделаида Миусова. Его характер отсвечивает очень разными гранями. И граней этих только добавляет история его второй женитьбы на кроткой Софье Ивановне.

Обращают на себя внимание принципиальные, почти контрастные различия в исходных характеристиках двух избранниц Федора Павловича. Аделаида Ивановна – пылкая, склонная к эмансипации девушка из состоятельной дворянской семьи, Софья Ивановна – запуганная, смиренная шестнадцатилетняя девочка, сиротка из бедного духовного сословия, воспитанная самодуркой-генеральшей. По своему психотипу Софья Ивановна восходит, несомненно, к образу Софьи Семеновны Мармеладовой, а непосредственной предшественницей Софьи Карамазовой являлась у Достоевского Софья Долгорукая (и вместе с ней ее дочь от Версилова, Лиза) в романе «Бесы».

Возвращаясь к сопоставлению характеристик двух супругов Федора Павловича, Аделаиды и Со-

фьи, полезно обратиться к статье А.А. Гизетти «Гордые язычницы» [6]. Он выделял два доминирующих у Достоевского женских типа – «кротких» и «гордых» – и видел их представительство в Соне Мармеладовой и в Дуне Раскольниковой. В «Братьях Карамазовых» оба эти типа достаточно убедительно отражены в Софье и в Аделаиде.

Кроткая и безответная Софья Ивановна с первых дней замужества попала в полную власть Федора Карамазова. Его отношение к жене изначально было иным, нежели к первой супруге: «Федор Павлович не взял в этот раз ни гроша <...>; но он и не рассчитывал на этот раз взять, а прельстился лишь замечательною красотой невинной девочки и, главное, ее невинным видом, поразившим его, сладострастника и доселе порочного любителя лишь грубой женской красоты» [8. Т. 14. С. 13]. Однако характерно, что в этой супружеской жизни он оставался вполне «многовалентным» сладострастником, и «пользуясь <...> ее феноменальным смирением и безответностью, даже попраля ногами самые обыкновенные брачные приличия. В дом, тут же при жене, съезжались дурные женщины, и устраивались оргии» (там же).

Обратим внимание на новую семейную составляющую. В доме Федора Карамазова (вернее, во флигеле при доме) постоянно присутствует семья его слуг Кутузовых – Григорий Васильевич и его супруга Марфа Игнатьевна. Так было и при Аделаиде Ивановне, и при Софье Ивановне. Семья эта сугубо патриархальная, оба супруга чрезвычайно набожны и даже суеверны. О.Ю. Юрьева убедительно замечает: «Идеальным для мужчины является тип взаимоотношений Марфы Игнатьевны и Григория (карамазовского слуги): будучи "женщиной не глупой", "умнее своего супруга", она подчинялась ему безропотно, так как "уважала его за духовный верх"» [15. С. 87]. О высокой значимости образа Григория Васильевича в религиозном и общекультурном аспекте подробно и убедительно писал А.П. Власкин [4]. В свете нашей темы следует обратить внимание на три момента.

Во-первых, первые детские годы всех четырех потомков Федора Павловича (включая Павла Смердякова) прошли под воспитательной опекой Кутузовых. Во-вторых, семейство Кутузовых, на наш взгляд, представлено автором явно в противовес разгулу «карамазовщины», царящей в доме хозяина. В-третьих, отношение Григория Васильевича к первым двум супругам Федора Павловича является своеобразным психологическим камертоном для читателя. От лица повествователя сказано: «...слуга Григорий, мрачный, глупый и упрямый резонер, ненавидевший прежнюю барыню Аделаиду Ивановну, на этот раз взял сторону новой барыни, защищал и бранился за нее с Федором Павловичем почти непозволительным для слуги образом, а однажды так даже разогнал оргию и всех наехавших безобразниц силой» [8. Т. 14. С. 13].

Для Софьи Ивановны восемь лет ее мучительной супружеской жизни обернулись рождением сыновей и болезнью: «Впоследствии с несчастною, с самого детства запуганною молодою женщиной произошло вроде какой-то нервной женской болезни, встречаемой чаще всего в простонародье у деревенских баб, именуемых за эту болезнь кликушами. От этой болезни, со страшными истерическими припадками, больная временами даже теряла рассудок. Родила она, однако же, Федору Павловичу двух сыновей, Ивана и Алексея, первого в первый год брака, а второго три года спустя. Когда она померла, мальчик Алексей был по четвертому году, и хоть и странно это, но я знаю, что он мать запомнил потом на всю жизнь, – как сквозь сон, разумеется» [8. Т. 14. С. 13]. И примечательно, что «Федор Павлович не мог указать ему, где похоронил свою вторую супругу, потому что никогда не бывал на ее могиле, после того как засыпали гроб, а за давностью лет и совсем забывал, где ее тогда хоронили...» [8. Т. 14. С. 9]. Могила Софьи Ивановны, однако, знал, обходил и указал Алексею всё тот же Григорий Васильевич. Именно после этого у Федора Павловича возник порыв пожертвовать тысячу рублей на помин души первой супруги, возможно, по принципу: об этой вот помнят, а о той – некому помолиться...

В отношении ко второй супруге, Софье, у Федора Карамазова сказываются в комплексе самые его нелицеприятные свойства. В первую очередь, это сладострастная склонность «разжигать» женщину: «Никогда, бывало, ее не ласкаю, а вдруг, как минутка-то наступит, – вдруг пред нею так весь и рассыплюсь, на коленях ползаю, ножки целую и доведу ее всегда, всегда, – помню это как вот сейчас, – до такого маленького такого смешка, рассыпчатого, звонкого, не громкого, нервного, особенного. У ней только он и был. Знаю, бывало, что так у ней всегда болезнь начиналась, что завтра же она кликушей выкликать начнет и что смешок этот теперешний, маленький, никакого восторга не означает, ну да ведь хоть и обман, да восторг. Вот оно что значит свою черточку во всем уметь находить!» [8. Т. 14. С. 126]. Цинизм же сказывается и в гораздо более жестокой форме. Софья Ивановна

была очень набожна, и ей супруг устраивал испытания: «Думаю, дай-ка выбью я из нее эту мистику! «Видишь, говорю, видишь, вот твой образ, вот он, вот я его сниму. Смотри же, ты его за чудотворный считаешь, а я вот сейчас на него при тебе плюну, и мне ничего за это не будет!...» Как она увидела, Господи, думаю: убьет она меня теперь, а она только вскочила, всплеснула руками, потом вдруг закрыла руками лицо, вся затряслась и пала на пол... так и опустилась...» [8. Т. 14. С. 126].

Был и другой эпизод в их совместной жизни, когда Софья вдруг повела себя почти как ее предшественница, Аделаида (которая даже «била» супруга). Федор Карамазов вспоминает: «Раз Белявский – красавчик один тут был и богач, за ней волочился и ко мне наладил ездить – вдруг у меня же и дай мне пощечину, да при ней. Так она, этакая овца, – да я думал, она избьет меня за эту пощечину, ведь как напала: «Ты, говорит, теперь битый, битый, ты пощечину от него получил! Ты меня, говорит, ему продавал... Да как он смел тебя ударить при мне! И не смей ко мне приходить никогда, никогда! Сейчас беги, вызови его на дуэль...» Так я ее тогда в монастырь для смирения возил, отцы святые ее отчитывали» [8. Т. 14. С. 126]. Так что Федор Павлович был отчасти прав, когда утверждал, что у него есть вкус на женщин, и в каждой он умеет находить какую-то скрытую «изюминку». В данном случае «изюминка», которая роднит обеих избранниц Карамазова, – это, можно полагать, некая чисто женская самостийность, которая противостоит мужской власти. У Аделаиды она отчасти основана на идеях эмансипации, у Софьи – на религиозности. В обоих случаях это грани духовности; у первой в меньшей степени, у второй – в большей.

Важен вопрос об отношении к своим детям у Аделаиды и Софьи, а также об обратной связи. Первая супруга, как мы знаем, бросила ребенка (Митю) и сбежала из постылого дома в Петербург с неким семинаристом, а потом погибла. Этот штрих вновь позволяет вспомнить роман «Бесы». Там Марья Шатова рождает нежеланного ребенка от Ставрогина, и в результате гибнет вместе с младенцем. Дмитрий унаследовал больше черт от отца, чем от матери. И все-таки первоначально он наклонен «прикипеть душою» к девушке того же психотипа – к Катерине Ивановне Верховцевой.

Иное дело – Софья Ивановна и ее дети. О ее отношении к старшему, Ивану, в романе нет свидетельств. Зато колоритно выражено отношение к младшему, Алеше, который «запомнил один вечер, <...> косые лучи заходящего солнца <...>, в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице... и вдруг вбегает нянька и вырывает его у нее в испуге. Вот картина! Алеша запомнил в тот миг и лицо своей матери: он говорил, что оно было исступленное, но прекрасное, судя по тому, сколько мог он припомнить» [8. Т. 14. С. 9]. Очевидным образом предполагается, что она посвятила этого сына Богородице, и это вполне оправдалось (по крайней мере в первой части незаконченной дилогии).

Возникает резонный вопрос: почему у Софьи Ивановны выросли такие разные сыновья? Недоумение это явно спровоцировано самим автором. В главе «За коньячком» изрядно подпивший Федор Карамазов вспоминает Софью Ивановну и то, как он пытался «выбить из нее мистику» (цитировалось выше). Затем ему приходится успокаивать Алешу, после чего вступает Иван:

«– Да ведь и моя, я думаю, мать его мать была, как вы полагаете? – вдруг с неудержимым гневным презрением прорвался Иван. Старик вздрогнул от его засверкавшего взгляда. Но тут случилось нечто очень странное, правда на одну секунду: у старика действительно, кажется, выскочило из ума соображение, что мать Алеша была и матерью Ивана...»

– Как так твоя мать? – пробормотал он, не понимая. – Ты за что это? Ты про какую мать?.. да разве она... Ах, черт! Да ведь она и твоя! Ах, черт! Ну это, брат, затмение как никогда, извини, а я думал, Иван... Хе-хе-хе! – Он остановился. Длинная, пьяная, полубессмысленная усмешка раздвинула его лицо» [8. Т. 14. С. 127].

Сопоставление двух сыновей Софьи Карамазовой неоднократно интерпретировалось в науке. Например, Т.Ф. Двойнишникова солидаризировалась с мнением американского исследователя Ф.Ф. Сили. Он задавался вопросом, «почему у Софьи Карамазовой выросли такие разные сыновья: Иван и Алеша? По его мнению, Алеша унаследовал характер матери, это признает и его отец. Иван же отказывается от материнского смирения и пассивности. Но в его характере также сказались любовь матери, которой он был окружен, и чувство незащищенности. Восстание Софьи против унижения ее человеческого достоинства уравнивается ее же верой в Бога и переходит со временем в кликушество. Восстание Ивана зрело с детских лет и не находило выхода ни в чем, кроме презрения к отцу. Отсюда

несходство характеров матери и ее старшего сына. Однако, по наблюдениям исследователя, в финале романа в Иване возрождаются материнские черты, которые проявляются в отказе потворствовать Катерине Ивановне в ее страсти к Мите и в признании своей вины на суде» [8. Т. 14. С. 173].

Приведенные соображения не кажутся нам убедительными. Ни о каком «восстании Софьи против унижения ее человеческого достоинства» все-таки не может идти речь. Как не наблюдается в Иване никакого «возрождения материнских черт» в финальной сцене суда. И совсем уж надумана «страсть» Катерины Ивановны к Мите, выраженная в этом самом финале. Думается, что вопрос о причинах принципиальной разности двух сыновей Софьи Карамазовой «повисает в воздухе» не без умысла автора. О младшем сыне, Алеше, Федор Павлович высказывается лишь позитивно и порой не без умиления. И напротив, об Иване мы имеем в тексте два абсолютно противоположных отцовских отзыва. В одном случае он рекомендует Ивана старцу Зосиме: «Это мой сын, плоть от плоти моя, любимейшая плоть моя!» [8. Т. 14. С. 66]. А в другом случае отец обращается к Алеше: «Да я Ивана не признаю совсем. Откуда такой появился? Не наша совсем душа. <....> Иван не наш человек, эти люди, как Иван, это, брат, не наши люди, это пыль поднявшаяся... Подует ветер, и пыль пройдет...» [8. Т. 14. С. 159]. Но первая «рекомендация» высказана в порыве намеренного шутовства, а вторая – в состоянии жестокого похмелья. Тем не менее, последняя характеристика примечательным образом совпадает с пьяным недоумением Федора Карамазова относительно общей матери у Ивана и Алеши. Недоумение это передается, наверное, и большинству читателей. Быть может, оно могло бы быть развеяно в сюжете ненаписанной второй части дилогии, где характеры Ивана и Алеши должны были получить дальнейшее развитие.

Обратимся теперь еще раз к происхождению Павла Смердякова. По общепринятым представлениям, он явился плодом богомерзкого соития сладострастника Федора Павловича с юривой Лизаветой. Впрочем, среди персонажей романа бытует и другое мнение. Например, Григорий Васильевич защищал своего барина от подобного навета, «вступал за него в брань и препирательства и многих переуверил. «Она сама, низкая, виновата», – говорил он утвердительно, а обидчиком был не кто иной, как «Карп с винтом» (так назывался один известный тогда городу страшный арестант, к тому времени бежавший из губернского острога и в нашем городе тайком проживавший) [8. Т. 14. С. 92]. Вместе с тем, по вопросу происхождения Павла Федоровича слуга Григорий на удивление непоследователен. До рождения ребенка он называет беременную Лизавету «низкой», а уже после его рождения и смерти Лизаветы Смердящей вдруг заявляет своей супруге: «Божье дитя–сирота – всем родня, а нам с тобой подавно. Этого покойничек наш прислал, а произошел сей от бесова сына и от праведницы» [8. Т. 14. С. 92-93]. Преданный своему барину Григорий, разумеется, не мог считать его «бесовым сыном» и имел в виду по-прежнему «Карпа с винтом», но Лизавета теперь аттестуется как «праведница».

Что касается самого Павла Смердякова, то его мнение о собственном происхождении также является двойственным. С одной стороны, он презирает родившую его мать и предпочел бы вообще не рождаться: «Григорий Васильевич попрекает, что я против рожества бунтую: «Ты, дескать, ей ложесна разверз». Оно пусть ложесна, но я бы позволил убить себя еще во чреве с тем, чтобы лишь на свет не происходить вовсе-с» [8. Т. 14. С. 204]. С другой стороны, он ненавидит Федора Павловича, которого все-таки, по примеру большинства обывателей, считает своим незаконным отцом.

Относительно происхождения Смердякова в науке также время от времени выражаются сомнения [10]. Тем не менее, мы склонны придерживаться общепринятого мнения: Павел все-таки именно – полноценный *Федорович*, и однако не столько *Карамазов*, сколько *Смердяков*. Это слишком значимое в концептуальном отношении авторское художественное решение, чтобы от него отказываться.

Именно связь Федора Карамазова с юривой Лизаветой Смердящей, как вслед за этим и с Софьей Ивановной (которую довел до кликушества), легла в основу ярких рассуждений Л.П. Карсавина, изложенных в его статье «Федор Павлович Карамазов как идеолог любви» [9]. Философ проникновенно указывает: «Безобразен Федор Павлович, но чуток к прекрасному; грязен, но влечется к чистому и святому. И этот же чуткий человек находит, что Лизавету Смердящую "можно счесть за женщину, даже очень... Тут даже нечто особого рода пикантное..." Что влекло его к Лизавете, к идиотке ростом "два аршина с малым"? – Он думал, и всякий думает; не она сама, а особенность наслаждения, "пикантность". Но ведь эта "особенность" немыслима без самой Лизаветы, и сознание в себе такого влечения есть вместе с тем и *познание в Лизавете чего-то непонятного и невидимого для других, самой Смердящей*» [9. С. 265].

Эти суждения вполне убедительны. Тем самым, во-первых, еще более усложняется многомерный образ Федора Карамазова. А во-вторых, одним из самых сложных, *закрытых* для осмысления представляется женский образ Лизаветы Смердящей. Т.Ф. Двойнишникова отмечает: «С одной стороны, ее образ продолжает тему "юродивых": эпизод с монастырской юродивой Евдокией («Сказание инок Парфения») повторяется почти во всех подробностях в романе "Бесы" (блаженная Лизавета) и в "Братьях Карамазовых" (Лизавета Смердящая), с другой – она предельно сливается со своим прототипом Матерью-Сырой Землей. В отличие от своих предшественниц Лизавета становится матерью» [7. С. 174]. Не очень понятно, почему здесь в ряду прототипов не упоминается Марья Лебядкина-Хромоножка из «Бесов» [5], ведь именно в ее юродивом воображении предстает образ «Матери-Сырой Земли».

Т.Ф. Двойнишникова продолжает свои рассуждения: «Лизавета Смердящая в лице Матери-Сырой Земли не просто обретает вторую мать, она даже внешне старается быть похожей на нее, слиться с ней. В славянской мифологии Мать-Сыра Земля имела пышные волосы (это травы, цветы, кустарники, деревья), у Лизаветы «почти черные волосы ее, чрезвычайно густые, закурчавленные, как у барана, держались на голове ее в виде как бы какой-то огромной шапки. Кроме того, всегда были запачканы в земле, в грязи, с налипшими в них листочками, лучиночками, стружками, потому что спала она всегда на земле и в грязи» [8. Т. 14. С. 90]. Далее, Достоевский акцентирует внимание на том, что и летом, и зимой она ходила босая и в одной посконной рубахе. Мать-Сыра Земля жестоко наказывает Федора Павловича Карамазова за поругание Лизаветы Смердящей: юродивая рождает ему сына-убийцу. «Смердяковщина» есть прямое порождение «карамазовщины»» [7. С. 174-175].

Эти рассуждения стоит развить и дальше, остановив внимание на трех моментах. Во-первых, вполне вероятно (в подсознании или даже в намерениях автора) переключка в этимологии. «Мать-Сыра Земля» отчасти сродни «карамазовщине». Вот и Алеша в романе говорит: «Братья губят себя, <...> отец тоже. И других губят вместе с собою. Тут «земляная карамазовская сила», как отец Паисий наемни выразился, – земляная и неистовая, необделанная... Даже носится ли Дух Божий вверху этой силы – и того не знаю» [8. Т. 14. С. 201]. Так намечено родство всё с той же «Матерью-Сырой Землей».

Т.А. Бондаренко в работе, специально посвященной этимологии фамилий, указывает: «...тот факт, что выбор фамилии художественно обоснован, не вызывает сомнения. Словарь современных русских фамилий предлагает следующую словарную статью: «Карамазов – фамилия из отчества от прозвища отца Карамаз или Карама-зый – «черномазый», «смуглый». Безусловна связь с тюркским кара – черный». Словообразовательно-этимологический анализ приводит к версии происхождения фамилии Карамазов вследствие сложения двух корневых морфем: Карамазов: кара- (тюрк. «черный») и маз[ат]ь – в значении посвящать, инициировать (восходит к акту помазания благовонным маслом мирры в христианских обрядах). Семантический анализ фамилии Карамазов в контексте всего творчества Ф.М. Достоевского, а также в русле философии эпохи «русского ренессанса» конца XIX столетия приводит к убедительной версии образования этого антропонима от другой фамилии – Богомазов, путем замещения первого исторического корня этого имени [Бог-] антонимичным в метафорическом значении корнем [Кара-]. Таким образом, оказывается, что фамилия Карамазов являет собой антиномию фамилии Богомазов. В свою очередь компонент богомаз – может трактоваться двояко: богомаз – буквально – иконописец, метафорически – помазанник Божий: следовательно семантика компонента карамаз- прочитывается как «черный помазанник, наместник дьявола» [1]. Такие характеристики косвенно согласуются как с законными сыновьями Федора Павловича, так и со Смердяковым.

Во-вторых, пласт мифопоэтических значений в романе, разумеется, очень важен [2]. Но если ориентироваться на нашу тему, то необходимо помнить, что Лизавета Смердящая – *какая-никакая – женщина*. Это лучше других почувствовал Федор Карамазов с его гендерологической многовалентностью, что научно констатировал Л.П. Карсавин. Тем самым отношение к ней *мужчины* все-таки обозначено, пусть даже и в единственном, эксклюзивном варианте. Отношение же самой Лизаветы к *мужчинам* никак в романе не отражено, – разве что только оно сказалось в рождении своему обидчику его будущего убийцы.

В-третьих, немаловажна очередность рождения сыновей у Федора Павловича. Как уже упомянуто, Смердяков был старше Ивана и Алеши. Это неочевидный для читателя, но, быть может, весьма значимый художественный факт – Федор Карамазов *наткнулся* на Лизавету Смердящую вскоре после смерти первой супруги и до второй своей женитьбы. Позднее автор уточнит возраст Смердякова:

«Человек еще молодой, всего лет двадцати четырех» [8. Т. 14. С. 114], то есть он был старше Ивана примерно на год, а Алеши – на целых пять лет. В гендерологической судьбе Федора Карамазова юродивая Лизавета – предшественница кликуши Софьи; и соответственно, Павел Смердяков – предшественник Ивана и Алеши.

В этой связи интересное наблюдение сделал С.С. Шаулов: «Смердяков структурно гомологичен Алеше: он так же внешне пассивен, но если Алеша – носитель авторской мысли и сокрытого света живой веры в бога, то Смердяков – сосредоточивает у себя многие нити сюжета и прочно привязывает к себе Ивана с помощью глубинной вины, которую тот пытается отрицать. Смердяков – своеобразный антипод Алеши, неудавшийся человекобог» [8. Т. 14. С. 27].

Действительно, вектор направленности выстраивается убедительно: от человеконенавистника Смердякова к «раннему человеколюбцу» Алеше. Однако и с образом Смердякова не всё так просто, как может показаться. В некоторых отношениях он является не только роковым «порождением» Федора Карамазова, но и подлинным наследником своей матери, юродивой Лизаветы Смердящей. Во всяком случае, Павел Федорович в отдельных своих «подтекстах» закрыт или, по крайней мере, неочевиден не менее, чем его мать.

Детальный разбор неочевидных значений образа Смердякова был произведен в ранней работе А.П. Власкина. Приведем наиболее значимые для нас фрагменты. В описании последнего свидания Ивана и Смердякова «Достоевский трижды (!) упоминает о книге, лежащей на столе у Смердякова. И как будто "между прочим" указывает ее название: Смердяков "...взял со стола ту единственную лежавшую на нем толстую желтую книгу, которую заметил, входя, Иван, и придавил ею деньги. Название книги было: "Святого отца нашего Исаака Сирина слова". Иван Федорович успел машинально прочесть заглавие". Здесь перед нами более или менее определенное указание на то, что Смердяков действительно хотел бы вернуться к чему-то исконному, "отеческому". В детстве отца ему заменил Григорий Васильевич, которого он впоследствии третировал своей казуистикой. А между тем, книга многозначительно связывает этих героев, потому что старик Григорий "...добыл откуда-то список слов и проповедей "богоносного отца нашего Исаака Сирина", читал его упорно и многолетно, почти ровно ничего не понимал в нем, но за это-то, может быть, наиболее ценил и любил эту книгу"» [3. С. 184].

И далее, о причинах самоубийства Смердякова: «Он убедился, наконец, в том, что обманул самого себя. "Коли бога бесконечного нет", то все позволено – это для него истина, "так он рассудил". Но бог и добродетель должны быть, – и от этого тоже никуда не уйти. Только уверовать в бога ему тоже не дано ни по собственным лукавым, ни по извечным народным "рецептам". <...> Самоубийство Смердякова – это не только его самоказнь, но и волевой акт народного сознания, которое освобождается от "всех язв, всех миазмов, всех нечистот", чтобы "больной исцелился и сел у ног Иисусовых". Так это видится Достоевскому, так это выражено было еще в романе "Бесы". Но этот последний шаг Смердякова и лично для него является последовательнейшим финалом: научившись убивать и обрубив свои корни, он вдруг понял, что уже не умеет жить, – и он сделал то единственное, чему научился, но руки дотянулись только до самого себя» [3. С. 186].

Можно заключить, что в конечном счете в Павле Федоровиче *смердяковщина* (материнские гены) оказалась сильнее генов *карамазовских*, отцовских. Федор Павлович в разгуле своего сладострастного безудержа фактически обрек на смерть сразу троих – умершую в родах Лизавету, себя самого и своего сына – убийцу и самоубийцу. Таким образом, гендерологической многовалентностью героя обусловлена причастность сразу троих сыновей к смерти отца-сладострастника. Акцент внимания на гендерологической многовалентности Федора Павловича позволяет не только раскрыть многогранность его характера и степень художественности этого образа, но и дополнить существующие в достоевсковедении представления о понятии «карамазовщина» и «смердяковщина».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко Т.А. Антропонимия романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции: автореф. дис.... канд. филол. наук. Тюмень, 2006. // URL: <http://cheloveknauka.com/antroponimiya-romana-f-m-dostoevskogo-bratya-karamazovy-sistema-struktura-funktsii#ixzz5KZbF4Q00>].
2. Борисова В.В. Мифопоэтический аспект картины мира в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Индивидуальность писателя и литературно-общественный процесс. Межвуз. сб. Воронеж, 1979. С. 91-102.
3. Власкин А.П. К проблеме идеологического контекста в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01. Л., 1984.

4. Власкин А.П. Творчество Достоевского и народная религиозная культура. Магнитогорск, Челябинск, 1994. С. 149-154.
5. Власкин А.П. Тихон – Хромоножка – Зосима – Смердящая: догадки и недоумения // Достоевский и мировая культура. № 32, ч. 2. СПб., 2015. С. 52-62.
6. Гизетти А.А. «Гордые язычницы» (К характеристике женских образов Достоевского) // Творческий путь Достоевского. Сб. ст. / под ред. Н.Л. Бродского. Л., 1924. С. 186-196.
7. Двойнишникова Т.Ф. Женские образы Ф. М. Достоевского: итоги и перспективы изучения (на материале русского и англоязычного литературоведения 1970-2000-х гг.): дис. ... канд. филол. н. Улан-Удэ, 2006. 239 с.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука. 1972–1990. Все ссылки на тексты Ф.М. Достоевского даются по данному изданию с указанием тома и страницы.
9. Карсавин Л.П. Федор Павлович Карамазов как идеолог любви // О Достоевском: творчество Ф.М. Достоевского в русской мысли 1881–1831 гг. М.: Книга, 1990. С. 264-278.
10. Меерсон О. Четвёртый брат или козёл отпущения ех machina? // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 565–604.
11. Тезаурус терминологии гендерных исследований. М.: Восток – Запад: Женские Инновационные Проекты. 2003. URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=98&wordid=817361>
12. Шаулов С.С. Структура романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: диахронический аспект: дис. ... канд. филол. н. Магнитогорск, 2003. 198 с.

Поступила в редакцию 25.01.2019

Макаричева Наталья Александровна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21
E-mail: 812natally@mail.ru

N.A. Makaricheva

GENDEROLOGICAL MULTIVALENCE OF THE IMAGE OF FYODOR PAVLOVICH KARAMAZOV IN THE NOVEL BY F.M. DOSTOEVSKY "THE BROTHERS KARAMAZOV"

The article explores the artistic genderology of F.M. Dostoevsky – the embodiment of the writer's ideas about the specifics of female-male relations in artistic creation. The focus is on one of the most vivid and complex images from the last novel by F.M. Dostoevsky – Fyodor Pavlovich Karamazov. Emphasis is placed on the gender-related multivalence of the hero, since relationships with women (two opposite-looking wives and the fool Reeking Lizaveta) help to reveal the many facets of Fyodor Pavlovich's personality. Analysis of the images of Fyodor Pavlovich Karamazov's father and his son Pavel Fedorovich Smerdyakov helps to discover new semantic nuances associated with the concept of "Karamazovism" and "Smerdyakovism". "Genderological Multivalence" of Karamazov Sr., developing into cynical voluptuousness, leads to a series of deaths – Reeking Lizaveta, his own and Pavel Smerdyakov. Smerdyakov, being the heir not only of a voluptuous father, but also of Reeking Lizaveta, associated with the image of Mother-Raw Earth, at the end of the novel tries to return to God. But to gain faith he was not given, and he commits suicide.

Keywords: Gender multivalence, fraternity, Karamazovism, Smerdyakovism, typology of female images, ideas of emancipation.

REFERENCES

1. Bondarenko T.A. Antroponimiya romana F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": sistema, struktura, funkcii [Anthroponymy of Roman Dostoevsky "The Brothers Karamazov": system, structure, functions.] Avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Tyumen', 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/antroponimiya-romana-f-m-dostoevskogo-bratya-karamazovy-sistema-struktura-funktsii#ixzz5KZbF4Q00>. (In Russ.)
2. Borisova V.V. Mifopoehticheskij aspekt kartiny mira v romane F.M.Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" [Mythological aspect of the picture of the world in Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". Individual'nost' pisatelya i literaturno-obshchestvennyj process. Mezhvuz. sb. Voronezh, 1979, pp. 91–102. (In Russ.)
3. Vlaskin A.P. K probleme ideologicheskogo konteksta v romane F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" [On the problem of ideological context in Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. Dis. ... kand. filol. nauk. 10.01.01. Leningrad, 1984. (In Russ.)
4. Vlaskin A.P. Tvorchestvo Dostoevskogo i narodnaya religioznaya kul'tura [Dostoevsky's work and folk religious culture]. Magnitogorsk, Chelyabinsk, 1994. pp. 149–154. (In Russ.)

5. Vlaskin A.P. Tihon – Hromonozhka – Zosima – Smerdyashchaya: dogadki i nedoumeniya [Tihon – Hromonozhka – Zosima – Smerdyashchaya: the guesswork and confusion]. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura*. № 32, ch. 2. Saint-Petersburg, 2015, pp. 52–62. (In Russ.)
6. Gizetti A.A. “Gordye yazychnicy” (K karakteristike zhenskih obrazov Dostoevskogo) [“Proud heathen” (characteristics of the female characters of Dostoevsky)]. *Tvorcheskij put' Dostoevskogo* [Dostoevsky's creative way]. Sb. st. pod red. N.L. Brodskogo. Leningrad, 1924, pp. 186–196. (In Russ.)
7. Dvojnishnikova T.F. Zhenskie obrazy F.M. Dostoevskogo: itogi i perspektivy izucheniya (na materiale russkogo i angloyazychnogo literaturovedeniya 1970-2000-h gg.). [Women's images: the results and prospects of the study (by the material of Russian and English literature of the 1970s and 2000s).] Diss... k.f.n.10.01.01. T.F. Dvojnishnikova. Ulan-Udeh, 2006, 239 p. (In Russ.)
8. Dostoevskij F.M. PSS v 30 t. [Complete works in 30 volumes] Leningrad: Nauka, 1972-1990. (In Russ.)
9. Karsavin L.P. Fedor Pavlovich Karamazov kak ideolog lyubvi [Fyodor Pavlovich Karamazov as an ideologist of love]. *O Dostoevskom: tvorchestvo F.M. Dostoevskogo v russkoj mysli 1881–1831 gg.* [Dostoevsky, in the Russian thought of Dostoevsky, 1881-1831]. Moscow: Kniga, 1990, pp. 264-278. (In Russ.)
10. Meerson O. Chetvërtiy brat ili kozël otpushcheniya ex machina? [The fourth brother or the scapegoat ex machina?]. Roman F.M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”: sovremennoe sostoyanie izucheniya [The novel “Brothers Karamazov”: the current State of the study of Dostoevsky]. Moscow: Nauka, 2007, pp. 565–604. (In Russ.)
11. Tezaurus terminologii gendernyh issledovanij [The thesaurus terminology of gender studies.]. Moscow: Vostok–Zapad: ZHenskie Innovacionnye Proekty. [East–West: Women's Innovation Projects], 2003. URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=98&wordid=817361> (In Russ.)
12. Shaulov S.S. Struktura romana F.M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”: diahronicheskij aspekt [The structure of the novel “Brothers Karamazov”: the diachronic aspect]. Dis. ... kand. filol nauk. Magnitogorsk, 2003. 198 p. (In Russ.)

Received 25.01.2019

Makaricheva N.A., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Russian language and literature
Saint Petersburg State University of Economics
Sadovaya st., 21, St. Petersburg, Russia, 191023
E-mail: 812nataly@mail.ru